

NEXUS LINGUARUM

KÖSZÖNTŐ KÖTET A 80 ÉVES
NYOMÁRKAY ISTVÁN AKADÉMIKUS
TISZTELETÉRE

Szerkesztette
Lukács István

ELTE BTK
SZLÁV ÉS BALTI FILOLÓGIAI INTÉZET
SZLÁV FILOLÓGIAI TANSZÉK
BUDAPEST, 2017

SZAKMAI LEKTOROK
Bańcerowski Janusz
Jászay László

MŰSZAKI SZERKESZTŐ ÉS TÖRDELŐ
Janiec-Nyitrai Agnieszka

© szerzők
© ELTE BTK Szláv Filológiai Tanszék

Kiadja az ELTE BTK Szláv Filológiai Tanszék
Felelős kiadó a Szláv Filológiai Tanszék vezetője
Sorozatszerkesztő: Lukács István
A borítót tervezte: Sellyei Tamás Ottó
Nyomdai kivitelezés: Robinco Kft.
ISSN 1789-3976
ISBN 978-963-284-859-4

TARTALOM

Bañcerowski Janusz	
Nyomárkay István akadémikus nyolcvan éves.....9	9
Bajzek Lukač Marija	
Slovenska zemljepisna lastna imena na Gornjem	
Seniku in v Porabju.....15	15
Bañcerowski Janusz	
Néhány gondolat a nyelvhasználat alapegységéről...25	25
Császári Éva	
A szlovák szótárirodalom legújabb mérföldköve.	
Az első szlovák etimológiai szótár.....43	43
Дудащ Мария	
Гневът в унгарската и българската фразеология...51	51
Dudás Előd	
Kaj-horvát anyag Maks Pleteršnik szlovén–német	
szótárában.....61	61
Dziewońska-Kiss Dorota	
Człowiek człowiekowi wilkiem – obraz wilka w języku	
polskim (w świetle związków frazeologicznych	
i przysłów).....71	71
Федосов Олег	
Как достичь совершенства?.....81	81
Gyivicsán (Divičanová) Anna	
Rozmýšľanie o slovenskom národnom hnutí,	
o jazyku, o kultúre	
(Štefan Leška, Karol Straka, Ľudovít Haan).....93	93
Gyöngyösi Mária	
A „törpe” Alekszandr Blok mitopoétikájában	
(Alakváltozatok és forrásaik).....101	101
Imrichová Mária	
Slovenská právnická terminológia	
a problematika polysémie termínov.....115	115
Jakovljević Dragan	
Književnost, novi mediji i postčitalačka generacija...125	125

Janiec-Nyitrai Agnieszka	
Narošle postpamięci. Na marginesie węgierskiej trylogii Krzysztofa Vargi <i>Gulasz z turula, Czardasz z mangalicą i Langosz w jurcie</i>	135
Janurik Szabolcs	
Angol mintára keletkezett tükörszavak a magyarban és az oroszban.....	147
Ясаи Ласло	
Средства грамматики и картина мира в русском языке.....	161
Kiss Szemán Róbert	
A katolikus irodalom mint újkori kulturális képződmény sajátosságai.....	173
Kroó Katalin	
Az irodalmi szövegben rejlő <i>megszólítás</i> szemiotikai alakzatáról.....	183
Лявинец-Угрин Марианна	
Современная лексикография русинского языка..	195
Лебович Виктор	
К вопросу литературной ономастики у И. Нечуя-Левицкого.....	207
Lukács István	
A horvát <i>Sibila</i>	219
Menyhárt Krisztina	
„Zöldségeket beszél”. A zöldségek a magyar és a bolgár közmondásokban.....	231
Михайлов Камен	
Via Danubius.....	243
Milosevits Péter	
Jovan Dučić versei Babits Mihály fordításában.....	255
Nagy István	
Íráspoétika, írásethosz. Marina Cvetajeváról.....	271
Палоши Ильдико	
Мультисубъектность как семантическая категория в русском языке.....	283

Pátrovics Péter	
Aspektualitát – Temporalitát – Kasus – Referentialitát und Wortstellung im Deutschen und in den slawischen Sprachen. Mutmaßliche Zusammenhänge.....	297
Pavičić Mladen	
Ivan Prijatelj <i>A szlovének irodalma</i> című irodalomtörténeti áttekintéséről.....	307
Péter Mihály	
Két költő a szerelem másodvirágzásától (Puskin és Tyutcssev).....	317
Ráduly Zsuzsanna	
Eponimák a lengyel és a magyar egyházi terminológiában.....	323
Sárköziné Vandan Enhzaya	
<i>Вопрос Достоевского в монгольском переводе романа «Братья Карамазовы».....</i>	335
Urkom Aleksander	
Učenje stranog jezika u digitalnom dobu.....	343
Várnai Dorota	
Renesans w Polsce i na Węgrzech.....	353
Vig István	
Prebacivanje kodova u djelu „Az török áfium ellen való orvosság” (’Lijek protiv turskoga opijuma’) Nikole Zrinskog.....	365
Zoltán András	
Régi keleti szláv jövevényszavaink kérdéséhez.....	377
Zsilák Mária	
A budai Egyetemi nyomda szlovák kiadványainak nyelvváltozatai az egységes modern irodalmi nyelv kialakulása tükrében.....	385

СРЕДСТВА ГРАММАТИКИ И КАРТИНА МИРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ласло Ясаи

0. Вступительные замечания

С опорой на аутентичную литературу российской лингвистики мы исходим из краткого определения ключевого для нас понятия: *языковая картина мира* – это «совокупность представлений о мире, заключенных в значении слов и выражений данного языка» (ЗАЛИЗНЯК–ЛЕВОНТИНА–ШМЕЛЕВ 2005). Считается, что каждому естественному языку соответствует уникальная картина мира, так как языки различаются, в частности, и способом концептуализации действительности. С другой стороны, сразу следует заметить, что при существовании характерных различий в картине мира иногда обращает на себя внимание именно общность при видении явлений, в частности, то поразительное сходство, которое наблюдается в результате «духовного родства» разных языковых коллективов. Именно этот аспект выносится на первый план в статье И. Ньюмаркаи при сопоставительном анализе лексики немецкого, венгерского и хорватского языков относительно способа выражения значений слов (NYOMÁRKAY 2012).

Различия в отображении способа языкового представления, конечно, также становятся более эксплицитными, если анализируемые явления сопоставляют в двух или нескольких языках. Очевидно, для иллюстрации того, каким образом в языке концептуализируется действительность, при первом приближении целесообразно обратиться к примерам из области лексики и фразеологии. С одной стороны, неодинаковая семантическая структура отдельных слов или лексических единиц в том или ином языке непосредственно свиде-

тельствует о тех различиях, которые вытекают из разного рода деления действительности (см., в частности, большинство словарных статей в двуязычных словарях). С другой стороны, национально-культурная специфика в семантических особенностях того или иного языка, по-видимому, наиболее ярко раскрывается при использовании примеров из области фразеологии (в ее широком понимании, с учетом пословиц и крылатых выражений) (см., напр., BÁRDOSI 2004; ФЕЛИЦЫНА-ПРОХОРОВ 1979; ТЕЛИЯ 2006). Таким образом, естественно, что реконструкция различных концептов и их сопоставление с эквивалентами разных языков предлагаются прежде всего со стороны лексики и фразеологии. В венгерской славистике основы данного направления заложены Я. Банчеровским (см., напр., BAŃCZEROWSKI 2008), его труды инспирировали дальнейшие исследования касательно картины мира других концептов (напр., DZIEWOŃSKA-KISS 2012; Она же 2015; RÁDULY 2013; DUDÁS 2016; PÁTROVICS 2015; Он же 2016).

В настоящей статье ставится задача продемонстрировать, что в разноаспектное и более полное описание картины мира русского языка может внести свой вклад и анализ некоторых разделов грамматики. Среди грамматических средств обнаруживаются и такие феномены, которые можно охарактеризовать, опираясь именно на особый способ представления данного явления, которые, хотя в более отвлеченной форме, также отличаются разными оттенками национальной специфики. Учет грамматики следует расценивать как естественное стремление, ведь в широком смысле языковая картина мира – это часть языковой семантики (ср. ЗАЛИЗНЯК 2013: 5, 7), в которую должна входить в свою очередь и грамматическая семантика. В нижеследующем сопоставлении, исходя из рассмотрения некоторых фрагментов русской грамматики и опираясь на положения в (БОНДАРКО 1992), мы попытаемся проиллюстрировать особенности таких различий между русским и венгерским

языками, которые обнаруживают интерпретирующий характер, которые, выражаясь термином А. В. Бондарко, различаются «интерпретационным компонентом» при наличии некоторого общего смысла. Из множества такого рода грамматических явлений здесь выделим четыре разных круга вопросов: 1) деепричастные предложения, 2) безличное употребление, 3) выражение начала действия и 4) некоторые примеры глагольного управления.

1. О деепричастных предложениях

1.1. Этот тип предложения, в котором (при помощи соответствующей видовой формы) выражаются отношения одновременности и преждевременности, представляет весьма распространенную конструкцию в русском языке. С нашей точки зрения в деепричастных предложениях заслуживает особого внимания следующая интерпретирующая характеристика: действие, выражаемое деепричастием, представляет собой «понижение по рангу» по сравнению с основным действием, которое выражается спрягаемой формой глагола. Данная дифференциация состоит в том, что по отношению к главному действию деепричастная форма выражает фоновое, как бы второстепенное действие, имеющее сопутствующий характер.

При сопоставлении текстовых примеров бросается в глаза, что в качестве эквивалентов русского деепричастного оборота в венгерском языке гораздо чаще выступают глагольные предикаты. Из этого следует и то, что в венгерском языке утрачивается (точнее, не считается существенным фактором) различие типа «основное действие – сопутствующее действие». Сказанное проиллюстрируем на примерах, взятых из рассказа К. Фебина, «Встреча с прошлым» (Пер.: Imre Makai):

<i>Обернувшись, я увидел большие старинные окна школьного коридора...</i>	<i>Ahogy megfordultam, megpillantottam az iskolafolyosó szokatlan formájú nagy, ódon ablakait...</i>
<i>Перестав разговаривать, они все вместе взглянули на меня...</i>	<i>Abbahagyták a beszélgetést, mindnyájan egyszerre rám néztek...</i>
<i>Я чуть-чуть приостановился, улыбнувшись.</i>	<i>Elmosolyodtam, és megálltam egy pillanata</i>
<i>На этой площадке – проговорил я, слегка придерживая хозяина за руку...</i>	<i>Ezen a lépcsőpihenőn – mondtam, és karjánál fogva kissé visszatartottam a házigazdát...</i>
<i>Я брел, озираясь на остатки сада, который прежде звали Собачьими липками, заглядывая во дворы, где под заборами никли высохшие, сизые от пыли допухи, слушая, как неожиданно взывает будто сорвавшаяся с какого-то вихревого метеора мотоциклетка.</i>	<i>Őgyelegetem, nézegettem annak a kertnek a maradványait, amelyet azelőtt Kutyahársaknak hívtunk, be-be-néztem az udvarokba, ahol a kerítések tövében a portól szürke, fonnyadt keserűlapu kókadózott, és hallgattam, ahogy váratlanul elsüvít egy-egy motorkerékpár, mintha valamelyik villámgyors meteorról zuhanna le.</i>

Уже на основе немногочисленных примеров видно, что в русском языке естественным образом прибегают к той возможности, которая при изображении двух (или нескольких) соотносительных действий нацелена на различение этих действий как главного и сопутствующего, в то время как в венгерском языке регулярное, частотное употребление деепричастной формы с целью такой дифференциации казалось бы явно искусственным способом.

1.2. Нельзя в этой связи не коснуться вопроса о том, что русскому деепричастию приписывается и другая особенность помимо представленного выше явления. Данная форма в большей мере может приобретать дополнительные, обстоятельственно-характеризующие функции, чем в венгерском языке. В выражении таких оттенков принимают участие разные факторы: временное отношение

между сказуемым и деепричастием, смысл предложения и лексическое значение того глагола, от которого образовано деепричастие. Речь идет об имплицитном выражении таких значений, как *причина, цель, условие, уступительность и следствие* (ср. АКИМОВА–КОЗИНЦЕВА 1987: 257–274). В этих функциях – за исключением примера (5) – в венгерском языке естественными эквивалентами деепричастных оборотов оказываются придаточные предложения. Для иллюстрации приведем по одному примеру.

1) Выражение причинного оттенка: *Я оставил мотор в холостом ходу, зная, что он перегрелся* (≈ так как я знал) – *Üresjáratban hagytam a motort, mivel tudtam, hogy túlmelegedett.* 2) Оттенок цели: *Они часто листают старинные словари, выискивая* (≈ чтобы выискать/найти) *там вышедшие из употребления слова* – *Gyakran lapozgatnak régi szótárakat, hogy keressenek bennük a használatból már kikerült szavakat.* 3) Оттенок условия: *В этом легко можно убедиться, проделав простой опыт* (≈ если проделать) – *Erről könnyen meggyőződhetünk, ha elvégziünk egy egyszerű kísérletet.* 4) Оттенок уступительности: *Прождав его целых полчаса* (≈ Хотя я прождал...), *я так и не встретился с ним* – *Bár félóráig vártam rá, mégsem találkoztam vele.* 5) Оттенок следствия: *Женищина <...>, вернувшись, встала в дверях, загородив собой выход* (И. Друцэ, Белая церковь) – *Az asszony <...>, miután visszatért, odaállt az ajtóba, elzárva ezzel a kijáratot.*

2. О безличном употреблении

2.1. Согласно традиционной грамматической терминологии, безличными называются бесподлежащие предложения. В русском языке безличные предложения представлены разными структурными типами, из которых мы выделим два таких случая, когда некоторый общий смысл может формально выражаться как двусоставными личными, так и односоставными безличными предложениями, и тем самым мы по-разному интерпретируем данное общее содержание. Так, например, венгерское

предложение *Éjszaka nem aludtam* может иметь два истолкования, которые мы иллюстрируем, используя русские эквиваленты 1) *Ночью я не спал* – это фиксация такой ситуации, которая предполагает сознательное действие, зависящее от воли субъекта. Эта особенность в венгерском языке станет однозначной, если дополнить ситуацию: *Éjszaka nem aludtam, hanem olvastam (tévét néztem, dolgoztam stb.)*. 2) *Ночью мне не спалось* – безличное предложение, выражающее действие, которое зависит не от воли субъекта, а от неназванных внутренних или внешних условий (ср. Копров 2001: 101–102). Поскольку в венгерском языке отдельная конструкция с такой интерпретацией отсутствует, говорящий, во избежание двусмысленности, часто прибегает к компенсирующим возможностям: *Az éjszaka nem tudtam aludni* или *rosszul aludtam*. В литературном тексте (в художественном переводе), конечно, встречаются и другого рода индивидуальные решения. Например:

Старик остался отдыхать. Но ему не спалось (Федин. Старик).	A vénember egyedül maradt, hogy pihenjen. De elkerülte az álm (Пер.: Gellért György).
---	---

Следует заметить, что в русском языке в случае некоторых глаголов представленный тип употребления (т. е. безличное употребление с дательным субъектом и отрицательной частицей) встречается регулярно: *мне не работалось, не сиделось (дома), не пишется* (ср. КОПРОВ 2001: 100–102).

2.2. При использовании безличных предложений в русском языке имеется возможность для дифференцированного выражения таких интерпретационных различий, которые не касаются основного смысла предложения. Ввиду того что из тех же слов мы можем составить личное двусоставное, безличное и страдательное предложения, создается трехчленный синонимический ряд предложений. В качестве примера приведем следующие три ряда:

1) а) *Ветер сорвал крышу*; б) *Ветром сорвало крышу*; в) *Крыша (была) сорвана ветром*. 2) а) *Град побил посевы*; б) *Градом побило посевы*; в) *Посевы (были) побиты градом*. 3) а) *Осколок бомбы ранил солдата*; б) *Осколком бомбы ранило солдата*; в) *Солдат (был) ранен осколком бомбы*. Такому трехчленному ряду в венгерском языке соответствует лишь одно, личное и двусоставное предложение: 1) *A szél leszakította a tetőt*; 2) *A jég(eső) elverte a vetést*; 3) *A bombaszilánk megsebesítette a katonát*. В отличие от этого, в русском языке, как мы видели, данное содержание можно интерпретировать с трех разных точек зрения: а) с позиции исходно-субъектного действия, так же, как в венгерском языке; б) роль субъекта уменьшается, причем форма творительного падежа включает в себя не только значение агенса, но и значение инструмента и причины; в) мы исходим из (семантического) объекта, а творительный субъект также отступает на задний план. О семантической характеристике действия и актантов, участвующих в предложениях данного синонимического ряда, см. подробнее в статье (PALÁSTI 2005). К изложенному следует еще добавить, что творительный субъект (который теряет свою важность) может быть опущен не только в страдательном предложении – *Посевы побиты*; *Солдат (был) ранен* и т.п. – , но и в безличном: *Побило посевы*; *Ранило солдата* и т.п.

3. О выражении начала действия

Тогда как в венгерском языке при обозначении начала действия доминируют описательные конструкции типа *kezd* + инфинитив, в русском языке для выделения начальной фазы используются не только сочетания с фазовым глаголом *начать/начинать*, но, у большей части глаголов, активно употребляются и определенные приставочные модификации (обычно с приставкой *за-*, напр., *запеть*) – глаголы начинательного способа действия. Эти дериваты при выражении начала четче выделяют момент наступления действия, чем сочетания с фазовым глаголом.

Ср., в частности, формы *заговорил, запел, заиграл, закричал, зашумел, заплакал, зазвенел*, с одной стороны, и сочетания *начал говорить, начал петь, начал играть, начал кричать* и т.п., с другой. Глаголам начинательного способа действия в венгерском языке редко соответствуют аналогичные дериваты, – эквиваленты типа *заговорить–megszólal*, *загремять–eldördül*, *закричать–felkiált*, *засмеяться–elneveti magát / felnevet* представляют собой лишь единичные примеры и, в отличие от русского языка, этот способ деривации не входит в систему. Кроме того в венгерском языке спорадически встречаются и особые лексические единицы, а также и приставочные образования с возвратным местоимением: *táncra perdül, nótára zendít, rázendít, rágyújt, sírva fakad, elsírja magát*. Тем не менее общую картину несомненно составляют описательные формулировки с глаголом *kezd*.

Однако на уровне текста наблюдается и совсем другая форма смысловой эквивалентности, и именно этот способ можно охарактеризовать такой интерпретацией, которая явно отличается от самого типичного обозначения начала в русском языке. Так как во многих ситуациях начало как наступление момента действия предполагает продолжение (это постдуративная или постфреквентативная фаза), в венгерском языке нередко внимание говорящего переключается именно на эту фазу. При этом, конечно, мы отказываемся от эксплицитной маркировки собственно начинательного значения. В практике это значит, что, например, смысловым эквивалентом предложения *Все засмеялись* может быть попросту *Mindenki nevetett*. Й. Крекич заметил уже в 70-ые годы, что глагол начинательного способа действия часто переводят простым бесприставочным глаголом, и венгерскому исходному глаголу часто соответствует приставочный глагол как начинательный способ действия. Автор приводит следующие два примера (KRÉKITS 1977: 103):

<p>Это настолько сильно задело его, что придя домой, он ткнулся головой в колена матери и зарыдал (Горький. ЖКС).</p>	<p>Ez annyira megviselte a gyereket, hogy hazaérve az anyja ölébe borult és keservesen sírt.</p>
<p>Tehén bőgött, veder csörömpölt, harang szólt odakint – kezdődött a falu szokásos köznapja (Fekete Gy. Az orvos halála).</p>	<p>Густо замычала корова, звякнуло ведро, загудел вдали колокол – деревенский день начался.</p>

В указанной же статье Крекич замечает, что начинательный глагол прошедшего времени может развивать и перфектное значение (неразобщенное с моментом речи), поэтому, как логично предположить, естественным эквивалентом может быть и глагол настоящего времени (ср. там же: 100):

<p>Старообрядцы зашевелились (Горький. ЖКС).</p>	<p>Nagyon mozgolódnak az őhitűek.</p>
---	--

К сказанному следует добавить еще один момент: в таких ситуациях, когда действия непосредственно следуют друг за другом, в русском языке требуются глаголы СВ. Мы полагаем, что, в частности, этим обстоятельством объясняется высокое число начинательных глаголов СВ в русском языке. В венгерском же языке, как показывают примеры, такого ограничения нет, при наличии последовательности действий после глагола СВ может стоять и бесприставочный глагол НСВ со значением процесса:

<p>Это было в те годы, когда Кипренский превратился из крепостного мальчика в художника и об его «магической» кисти заговорила вся Европа (Паустовский. Орест Кипренский).</p>	<p>Ez azokban az években volt, amikor Kiprenszkij jobbágyfiúból festőművésszé lett és az ő „mágikus” ecsetéről beszélt egész Európa.</p>
---	---

4. Способ видения в глагольном управлении

Русское глагольное управление, отличающееся характером семантического фона от соответствующего управления некоторых венгерских глаголов, зачастую является источником ошибок типа межъязыковой интерференции. Нижеследующие примеры иллюстрируют именно это явление в отношении русско-венгерского сопоставления. Относительно парных глаголов будет названа лишь «исходная форма» с учетом возможности аспектуальной деривации – префиксации или суффиксации.

У глагола *опоздать* управлением является: *во что (в школу)* или *на что (на урок)* и, соответственно, вопросительное слово – *куда*. К венгерскому эквиваленту *(el)késik* в качестве управления принадлежит форма *valamiről, valamiből (az óráról, az iskolából)*, значит, вопросительное слово: *откуда*. Видимо, семантическим фоном русского глагола служит перемещение в пространстве.

Способом видения различаются и глагол *здороваться с кем* и его венгерский эквивалент *köszön valakinek*. Употребляя русский глагол с управлением, мы исходим из того, что в данной ситуации имеет место *встреча с кем-либо* и при этом имеет место взаимное действие. Датив же в венгерском мотивируется тем, что 'при встрече кто-то кому-то говорит слово приветствия'.

Глагол с управлением *проститься с кем, с чем* также может показаться странным «глазами венгра» (по-венгерски: *elbúcsúzik valakitől, valamitől*), хотя согласно тому, каким образом носители русского языка воспринимают данную ситуацию, абсолютно естественно исходить и в этом случае из семы взаимности (т.е. в момент прощания участники ситуации еще вместе). То же самое можно сказать об управлении глагола *растаться с кем* – *elválík valakitől*. Очевидно, что и в той, и в другой ситуации венгр выделяет момент удаления.

В завершающем примере остановимся на особенности управления глагола *узнать* ('megtud'). Здесь обращает на себя внимание, что наличие «вариантов» у кого и от кого не значит взаимозаменяемости, и, следовательно, с позиции учащегося здесь нет свободного выбора. *Узнать что (о чем) у кого* обозначает сознательное, намеренное действие (точный, однозначный эквивалент: *megtudakol*), а в отличие от этого, *узнать от кого* – ненамеренное, случайное действие (*megtud, tudomására jut*).

ЛИТЕРАТУРА

- BAŃCZEROWSKI Janusz, 2008: *A világ nyelvi képe. A világgép mint a valóság metaképe a nyelvben és a nyelvhasználatban*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- BÁRDOSI Vilmos (ed.), 2004: *Magyar szólástár. Szólások, helyzetmondatok, közmondások értelmező szótára és fogalmi köri szótára*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- DUDÁS Mária, 2016: Nemzeti sztereotípiák a magyar és bolgár frazeológiában. *Frazeológia. Az emberi világgép tükrözője*. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 55–60.
- DZIEWOŃSKA-KISS Dorota, 2012: A halál perszifikációja a magyar és a lengyel nyelvben. *A szótól a szövegig*. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 51–57.
- - 2015: Az őselemek nyelvi képe a lengyel és magyar frazeológiában. *A nyelvi pragmatika kérdései szinkron és diakrón megközelítésben*. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 61–72.
- KRÉKITS József, 1977: Az ingresszív akcióminőségű orosz igék és magyar nyelvi megfelelőik. *A Juhász Gyula Tanárképző Főiskola Tudományos közleményei*. Szeged, 95–106.
- NYOMÁRKAY István, 2012: Die geistige Verwandschaft der ostmitteleuropäischen Sprachen. *Studia Slavica Hung.* 57 (1)/ 25–35.

- PALÁSTI Katalin, 2005: К вопросу о предложениях, образующих синонимические ряды. *Slavica Szegediensia*. V. Szeged, 151–158.
- PÁTROVICS Péter, 2015: Nyelvi időkép és időattitűdök. Nyelvi-kulturális megközelítés. *Magyar Nyelv* 111. 4/ 433–448.
- – 2016: A 'torma' nyelvi világképe a lengyel és az osztrák frazeológiában. *Frazeológia. Az emberi világkép tükrözője*. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 139–145.
- RÁDULY Zsuzsanna, 2013: Az emberi külső ábrázolása a magyar és a lengyel frazeológiában (a növény- és állatvilág tükrében). *Studia Slavica Savariensia* 1–2/ 399–405.
- АКИМОВА Т. Г., КОЗИНЦЕВА Н. А., 1987: Аспектуальные-таксисные ситуации, включающие элементы семантики обусловленности. *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Ленинград: Наука, 267–274.
- БОНДАРКО А. В., 1992: Проблема соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений. *Вопросы языкознания* № 3/ 5–20.
- ЗАЛИЗНЯК Анна А., 2013: Русская семантика в типологической перспективе. К вопросу о термине 'языковая картина мира'. *Russian Linguistics* 37, №. 1/ 5–20.
- ЗАЛИЗНЯК Анна А., ЛЕВОНТИНА И. Б., ШМЕЛЕВ А. Д., 2005: Ключевые идеи русской языковой картины мира. Языки славянской культуры.
- КОПРОВ В. Ю., 2001: Вариантные формы в русском языке. *Лексика. Грамматика. Стилистика*. Воронеж: Воронежский гос. ун-т.
- ТЕЛИЯ В. Н. (ed.), 2006: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Москва: АСТ-ПРЕСС Книга.
- ФЕЛИЦЫНА В. П., ПРОХОРОВ Ю. Е., 1979: Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Москва: Русский язык.